

ВЕЛИКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ

Все знают славное имя Михаила Илларионовича КУТУЗОВА (1745—1813), но связывают его обычно лишь с беспримерным сокрушительным разгромом величайшего военного гения современности — Наполеона (который еще в 1805 году назвал Кутузова «хитрым лисом» — за то, что тот перехитрил его).

Между тем даже беглое знакомство с биографией будущего спасителя России позволяет утверждать: личностью он был необычайной.

Военную службу Кутузов начал в 19 лет. В молодые годы, не имея еще случая проявить свое совершенствовавшееся стратегическое мышление, являл чудеса беспримерной храбрости во время многочисленных стычек с неприятелем. В первую русско-турецкую войну, чудом выжив после тяжелейшего ранения (стоившего ему глаза), Кутузов использовал полученный от Екатерины II заграничный отпуск не столько для лечения, сколько для знакомства с Европой и расширения образования: учиться он продолжал всю жизнь. А по возвращении был направлен в помощь Суворову — и блестяще дипломатическими средствами завершил аннексию Крыма. Кстати говоря, великий Суворов из всех своих полководцев ценил Кутузова едва ли не выше всех — и это было широко известно: после 1800 года в армии Кутузова считали прямым наследником Суворова.

Не гонясь за славой, он предпочитал, чтобы она сама находила его. Во всех сражениях (а было их на его веку множество) Кутузов проявлял свои лучшие качества — необыкновенную твердость в сочетании с глубоким перспективным расчетом. Никакая опасность, даже и самая близкая, не могла заставить его горячиться или паниковать. Не одна лишь образцовая храбрость, но и громадное мужество выделяли его. Что же касается твердости, то именно непоколебимость Кутузова — вопреки даже давлению двора и части его собственного штаба — позволила ему последовательно и до конца претворить в жизнь свой план длительного непрерывного контрнаступления, благодаря чему Россия была спасена, а от лучшей армии Европы под руководством гениальнейшего полководца того времени не осталось почти ничего.

В предлагаемой вашему вниманию книге вы найдете написанные Кутузовым важнейшие документы, приказы и рапорты, содержащие глубокий анализ военной обстановки, и личные письма, раскрывающие Кутузова-человека, а также отзывы и воспоминания современников.

Из этого разнообразного и содержательного материала вырисовывается многогранный образ одного из самых славных русских полководцев и знаковых фигур новейшей военной истории.

Михаил Илларионович КУТУЗОВ

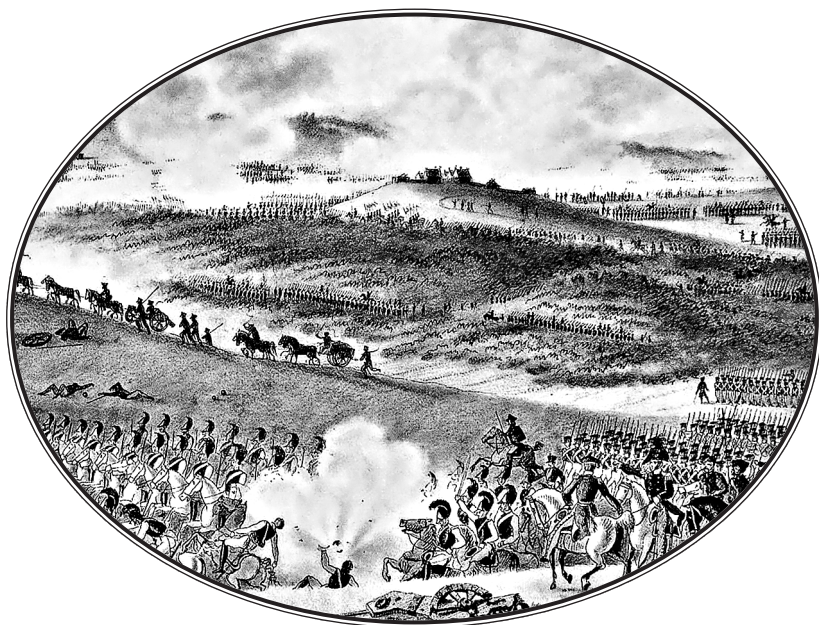
(1747–1813)

Михаил Илларионович КУТУЗОВ

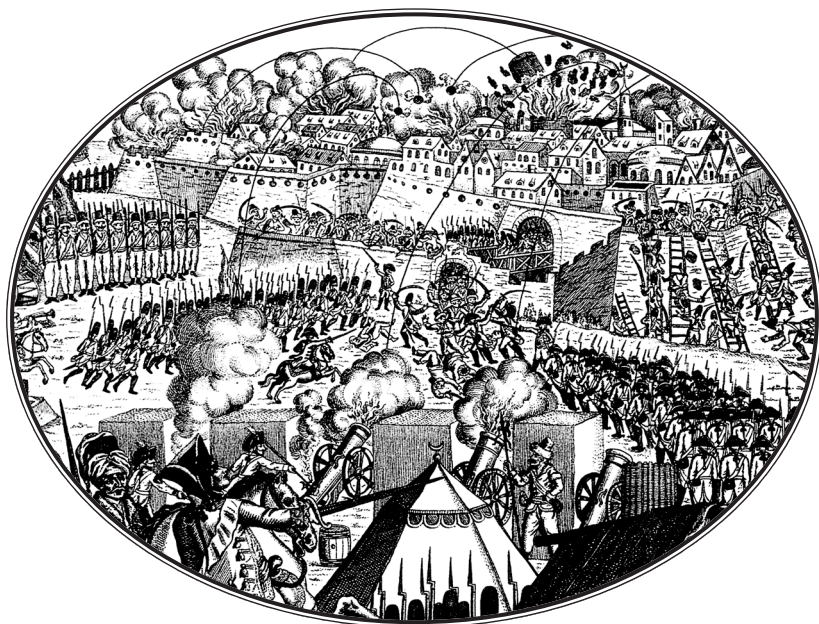

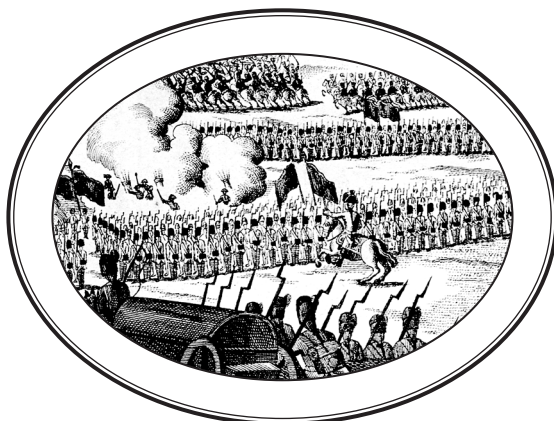
ТАКТИКА ПОБЕДЫ

Москва, 2020

М. И. Кутузов
ПРИМЕЧАНИЯ
О ПЕХОТНОЙ СЛУЖБЕ ВООБЩЕ
И О ЕГЕРСКОЙ ОСОБЕННО

Ордер Бугского егерского корпуса господам батальонным командирам

Циркулярно

Прилагаю при сем в батальоны Бугского корпуса примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно. Первые не заключают в себе никаких новостей, а истекают совершенно из законов воинских, пехоте российской предписанных, и служат только изъяснениями правил, которые из тех законов почерпнуть можно. Что же касается до егерских, то и те суть самые простые, но, кажется, образу службы и разным положения[m] мест свойственные.

Но тщетны бы были все старания начальников в таком войске, где в пренебрежении повиновение и чинопочитание (дисциплина и субординация), сия душа службы. Но законы воинские столь ясно изъясняют о сей части, образ мыслей батальонных начальников мне [нас] только известен, что не остается об оной предписывать иного, как ежедневного надсматривания и понуждения всех чинов к их должности.

1786 года, июня 16-го

О содержании солдата

Содержание солдата будучи первою [при]чиною доброты и прочности всякого воинского корпуса, потому и препоручаю сей важнейший предмет первейшему попечению господ батальонных командиров.

Зная же качества частных начальников корпуса, мне вверенного, нахожу излишним упоминать, что солдат неисправным в своей должности быть не может, ниже чувствовать довольно верности к исправлению службы, от него требуемой, ежели получает до малейшего ему определенного как вещами, так и деньгами; разумеется, чтоб и вычетов никаких, исключая

М. И. Голенищев-Кутузов.
Гравюра 1810-х гг.

С 1785 г., уже генерал-майором, Кутузов становится командиром Бугского егерского корпуса, который он сам и сформировал. Инструкция, излагающая тактические приемы, необходимые этому роду войск, выработанные в процессе обучения корпуса, были изложены Михаилом Илларионовичем в инструкции «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно».

отвращения сей солдатской собственности, хотя бы то под образом займа на самое короткое время было.

Касательно же до сохранения здоровья солдата здесь [уверен], что начальники рачить* будут всеми силами как впредь о хранении здоровых от болезней, избавляя их от излишнего и службе ненадобного отягощения, так и предписывании молодым людям способы к их предохранению, как-то: высушка при первом удобном времени замоченного платья, содержания обуви и перемены онуч, чистоты в белье и прочем, так и в присмотре за больными не только понуждением ленивых лекарей к их должности, но и доставлением больным хотя из их же собственных способов простой, но здоровой пищи.

К сему присовокупить должно умеренность в наказаниях, различая прилежно прямую должность воина от некоторых по себе маловажных излишеств, природные недостатки от нехотения и ошибку по новости недавно вступившего от ослушания и преодолевая медленность ус[п]ехов терпением.

на собственные их артельные издержки, отнюдь не было.

Ибо всякий, подробно службу нашу знающий, ясно проникнет, что хотя российский солдат достаточно от отечества снабжен как всем нужным для его одежды и пропитания по природной его умеренности, так и довольно награждается денежным жалованьем, но при том неоспоримо и то, что ежели из сего довольно ему определенного отвратится хоть малая часть, то солдат в содержании своем почувствует такие недостатки, которые к разрушению его здоровья, иногда и жизни, следовательно, к невозвратному вреду службы причиною быть могут.

Но не довольно будет одной на сие доброй воли, ежели не употребятся к отвращению сего вреда способы, как например: самоличная выдача жалованья, присмотр всегдашний и строгий во внутренности рот в расуждении выдачи провианта, также амуничных денег и вещей и, третье, доброе хозяйство в артелях, хранение [их] денег и частое оным свидетельствование, имея всегда в памяти, что обер- и унтер-офицер тягчайшего преступления сделать не может, как

* Рачить — стараться.

Лучшие наставления по сей части почерпнуть можно из доклада, опробованного в 1783 году, где великие истины в немногих словах сказаны.

Нет никакого сомнения, ежели помянутые правила твердо хранимы будут, чтоб солдат имел в чем-либо недостаток и через то не был [бы] усерднее к службе, прочнее, своим состоянием довольнее, следовательно, из благодарности к отечеству и храбрее.

Учредив таким образом благосостояние солдата, помышлять должно о приготовлении его к тому, чего от него взаплату себе требует отечество, а именно — к воинской должности.

Чтобы начать обучение его, основательно вникнуть должно в образ той службы, к которой он определен.

Егерь назначен будучи к такому действию, которого успех зависит от верной стрельбы, как-то: в тесных проходах, в гористых и лесных местах, где он, часто и поодиночке действуя, себя оборонять и неприятеля вредить должен.

Полагая все оное спасение в огнестрельном ружье, то неминуемо и должно быть оное главнейшим и почти единственным предметом [обучения].

Но дабы целно вредить неприятеля, то должно быть ружье в такой исправности, чтобы соответствовало названию своему егерского ружья.

Из сего следует, чтобы первые наставления дать егерю о сохранении оного в годности и для того, по получении новых ружей, должно приступить к обучению разбирать ружье с такою осторожностью, чтобы ни один винт и ни один гвоздик испорчен не был. При разборе замка быть еще осторожнее, не позволяя никак на чищение винтов употреблять песок, а вытирая другими способами, намазывать салом. Приметить должно и то, чтобы не разбирать ружье без крайней нужды и чем возможно, отчего ружье будет целее. Ствола внутри ни под каким видом песком и сверликом* не чистить, а вымывать, отвернув замок, навязанною на шомпол или деревянную палку мокрою тряпицею, а после вытирать сухою, не требуя, чтобы внутри ствола был блеск. А и снаружи ствол не только не скоблить шомполом, но и песком весьма осторожно чистить.

Ежели сии осторожности употреблены будут, то всеконечно замки исправны, а стволы прямы и не погнуты будут, и тогда-то надеяться можно будет обучить стрелков таких, которые будут страшны всякому неприятелю.

Приступим к обучению егеря

Главнейшее назначение егеря есть стрельба, то и должен сей предмет прежде всякого другого представиться к размышлению.

О стрельбе

Хотя и требуется от егеря скорое действие в огне, как от всякой пехоты, но более того требуется выстрел верный, следовательно, и должно попечение прилагать более к сему последнему намерению.

* Сверлик — буравчик, наверточек, шомпол.

И потому, сколь скоро только дастся новобранцу первое понятие о сохра[не]нии своего места во фронте и об расчетах в оном (которое, как азбука, всякого солдата должно быть началом), не теряя времени и начать обучение в цель. И чтоб способ к сему сделать достаточнее, то и необходимо, чтобы г[оспо]да батальонные командиры из довольно отпускаемого числа пороха сделали некоторое хозяйство, превратя часть оного в свинец на литье пуль.

Доставив же себе таким образом довольно число материала, блюсти должно, чтобы как расходы на сие из казны употребляемые, так и употребление ружей и происходящая оттого починка, а что всего драгоценнее — время (которого на обучение солдата много требуется), тщетно употреблены не были.

К отвращению сего употреблять должно разные способы, а именно:

1-е. Не всякий офицер, хотя в прочем все достоинства его званию принадлежащие имущий, довольно объяснен в сей особой части егерского обучения, то и должен — таковой быть в важности и способах оной наставлен.

2-е. Ель должна быть сделана высотой около трех аршин с половиною, на которой изобразить черною краскою подобие человека вышиною в два аршина и десять вершков. Позади оной [сделать] вал или бугор земли или песка, шире и выше цели, дабы большую часть пуль по выстреле отыскать можно было.

3-е. Во избежание расхода бумаги заряжать для сей стрельбы надлежащий вес пороха, прибывая пыхами: первым порох, а другим пулю, отчего выстрел вернее (да и во время войны ружья заблаговременно заряжены должны быть сим образом).

4-е. Чтобы каждый стрелял из своего ружья, а не [из] чужого, дабы более и более свойств его узнавать мог; разве в таком случае, чтобы в помощь рекруту велеть искусному стрелку, выстрелив из его ружья, ему растолковать: направо, влево, или вверх, или вниз оное бьет.

5-е. Начинать обучение не далее ста шагов от цели, для верного же прицела при начале стрелять с приножки*. Потом, отдаляясь от цели, уже доходить до дальнего расстояния, но более держать на умеренном расстоянии, то есть на ста пятидесяти шагов, ибо тут выстрелы вернее и, следовательно, учение полезнее.

6-е. Ежели на дальнем расстоянии прикладываться станут в полчеловека, то не должно удивляться, что пули приходять будут по ногам, а большая часть перед целью в землю падут. Ибо таково есть свойство всякого ружья или, яснее сказать, пули, которая на дальнем расстоянии, будучи уже слабо понуждаема истощенною силою пороха, собственною своею тягостью помалу вниз опускается. Оттого происходит неверность в дальнем выстреле, и сие то должно растолковать егерю самым простым, но внятным образом, дабы он, поняв оное, знал, сколько на каком расстоянии выше цели выстрел возвышать потребно. До сего размера офицеры доходить должны прилежными опытами при обучении в цель, ибо и для самого верного ружья есть только одно некоторое расстояние, на котором, прямо в цель прикладываясь, попасть можно. На прочих же расстояниях потребна сноровка, и, дабы

* То есть — с колена.

Гренадер и егерь С.-Петербургского легиона в форме 1769—1775 гг.

дать ясное о сем понятие, присовокуплю некоторое примерное положение, которое однако ж точным правилом* служить не может, потому что мы еще не испытали свойства нам назначенных ружей, ибо сей размер зависит от пропорции, которая наблюдается оружейным мастером между целью, над казенным шурупом назначенною, и мушкою, поставленною на дуле ствола. Но, кажется, по некоторым опытам, что расчет ближайший к верности есть: на сто шагов приклады в колено, на сто пятьдесят — в полчеловека,

* В оригинале — «правам».

на двести — в грудь, на двести пятьдесят — в среди[ну] лица, а на триста — пол-аршина выше головы.

Сие все принадлежит до ружья. Что же касается до пистолета, то так как сие оружие дано егерю для особенной его обороны в одних только крайних случаях, следовательно, и [на] весьма близком расстоянии, то и обучение сие не должно занимать большого времени. Почему и не останавливаюсь много на сей части, а даю приметить, что обучение сей стрельбе на дальнем расстоянии будет только потерю времени и пороха и приучит, ежели возможно, к весьма верному выстрелу в пятнадцати или двадцати шагах.

В заключение сего еще раз повторяю, что стрельбы в цель, будучи первым достоинством егеря, должны быть и первым попечением офицеров, и то[т] из ротных начальников, который через некоторое время перед прочими более искусных стрелков из своей роты представить в состоянии будет, по мере своего старания перед прочими и отличен быть должен.

Сия часть касалась до егеря особенно. Теперь же, прежде нежели приступить к свойственным ему особенно маневрам, коснуться должно до той части, которая ему со всяким пехотным солдатом есть общая, где однако ж во многих случаях [егерь] должен достоинствовать от оногo отменно по образу своего вооружения.

О построении фронта

1-е. Обыкновенный егерский фронт строится в две шеренги. Сей строй изобретен для ловкости в стрельбе как в рассуждении заряжания, так и для приклада, ибо в трехшереночном ополчении* по необходимости оттого некоторой тесноты сия ловкость чувствительно умаляется.

Но так как Россия имеет тридцать батальонов егерских, то и невозможно, чтоб столь великий корпус всегда употребляем был единственно в перестрелке, их образу свойственной. Уповательно** же напротив, что часто потребуетя от них обыкновенное действие пехотного батальона, как-то: в линии с пехотою, где для многих причин длина батальонных фронтов должна быть равная, или для атаки поста, где требуется действие белым ружьем*** и где дву[х]шереночное ополчение по жидкости недостаточно ни для сопротивления неприятелю, ни для нанесения ему урона. Как в сих, так и во многих других обстоятельствах нужно быть построению в три шеренги. Посему и должны батальоны приучаемы быть к построениям обеих сих родов, дабы егерь, и в три шеренги поставленный, привычен был к их расчету и действию.

2-е. Весь расчет в дивизионах, полудивизионах и плутонгах делать на основании общего пехотного расчета.

О приемах

Надобности в прилежном обучении солдата приемам суть:

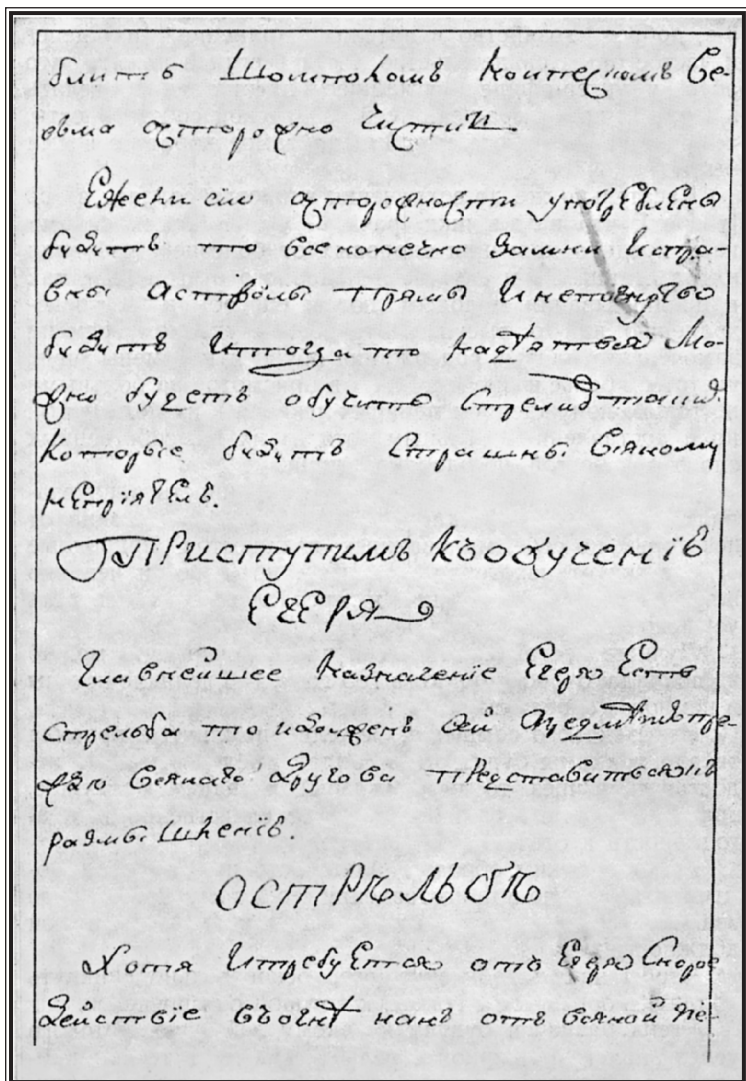
1-е. Не может он главнейшего своего предмета исполнить, то есть зарядить хорошо и скоро ружья, ежели им верно не выучен.

* Ополчение — здесь: построение, строй.

** Уповательно — вероятнее.

*** Белое оружие — холодное оружие, штык.

Страница из рукописи М. И. Кутузова «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно»

2-е. Привыкает [час] от часу более к оному, найдет в нем равновесие, знать будет во всяком случае, как за него взяться, чтобы его проворно поднять или повернуть так, чтобы во время дела никогда не зацепиться, не уронить его и ничего в замке или других слабых частях не испортить.

3-е. От частого обращения со своим ружьем с ним ознакомится столько, что оно ему и подлинно весьма легче казаться будет (и сие обстоятельство не малой важности).

И 4-е. Сие упражне[ни]е сохранит его от праздности, которая есть всех солдатских шалостей источником.

Между тем не могу не дать приметить, что сие не должно почитаться первою должностью егеря, а должно быть уважаемо, поскольку оно относительно к главнейшему его предмету, так что ежели егерь в сей части окажется и посредственным, а найден будет искусным стрелком, то, конеч-

Рядовой 1-го егерского полка

но, должен предпочтен быть тому, который в сем последнем не достиг до равной с ним степени, хотя бы и превзошел его в первом.

Наконец, напоминаю и то, что должно при сем неоплошно наблюдать сохранение ружей и для того приемам обучать точно тем образом, каким обучены присланные ко мне от батальонов унтер-офицеры, не полагая красоты в стуке (которым только что переломаются ружья), а наблюдая равенство и краткость.

О маршировании

От искусства или незнания в сей части все регулярные пехоты побеждают или бывают побеждены.

Довольно кажется сей причины, чтобы в оной солдата упражнять непрестанно. Сие не стоит ничего, исключая сапог, которые солдат праздно и без того износить должен. Ему сие служит еще и к здоровью.

Марширование имеет два главных предмета, из которых истекают прочие:

Первое. Идти столь поспешно, сколько обстоятельства той минуты того требуют.

И второе. Идти стройно.

Первое для того, чтобы достигнуть скорее желаемого места для скорейшего ли приближения к неприятелю или для предупреждения его, для строения ли фронта или перемены оною, а второе, чтобы сохранить

при тех же случаях целость всего строя или его отделений, дабы расстройкою не дать неприятелю случая воспользоваться.

Сии два предположения поставя основанием, приступаю к истекающим из того правилам и примечаниям, из которых некоторые особенно к егерской службе принадлежат.

О шагах

Шаг разделяется на три рода, а именно: обыкновенный, скорый и резвый, не упоминая о путевом* шаге.

* Путевой — здесь: походный.

Портрет М. И. Кутузова в начале службы.
Около 1771 г.

К. Шюти. Разгром турецкой армии у реки
Рымник 11 сентября 1789 года.
XVIII в.

Генерал-фельдмаршал граф Петр
Андреевич Румянцев-Задунайский
(1725—1796)

Офицер гренадерского полка
в 1797—1801 гг.
Литография XIX в.

Кавалерийские пистолеты

Александр Васильевич Суворов
(1729—1800)

Формирование М. И. Кутузова как военачальника происходило в период русско-турецких войн второй половины XVIII в. под началом великих полководцев П. А. Румянцева-Задунайского и А. В. Суворова.